

Д. С. Борисова

Конструирование национальной идентичности в Италии: от итальянцев к италийцам

Вопросы, связанные с национальной идентичностью, национальным характером и самоопределением нации, как правило, актуализируются в эпоху глобализации. В Италии эта проблематика существует в научном дискурсе довольно давно и на данный момент не утратила своей актуальности. Среди наиболее недавних подходов к рассмотрению формирования итальянской национальной идентичности преобладает тот, в котором считается, что единство нации базируется на общей повседневной культуре, которая скрепляет во многом разрозненные итальянские регионы в единую страну. В последнее время все больше исследователей говорит уже не об «итальянскости», а об «италийскости», глокальности итальянской культуры, которая распространила свое влияние далеко за свои географические пределы. Национальная идентичность, таким образом, становится атрибутом личности, который можно выбрать самостоятельно, а не чем-то предопределенным при рождении.

Ключевые слова: национальная идентичность, национальный характер, Италия, культура повседневности, кампанилизм, глокализм

Daria S. Borisova

Construction of national identity in Italy: from the Italians to the Italic

Questions connected with national identity, national character and nations self-defying are usually appealing at time of globalization. In Italy these problems exist in scientific research for quite a long time and are still relevant today. Among the recent approach to Italian national identity the most popular are those which pose that nation's unity is based on common everyday culture, which brings different Italian regions into one country. Ultimately more and more scholars speak not about «italianity», but «itality», about glocal Italian culture, which is spread beyond its geographical bounds. So national identity has become a personal feature which one can choose himself, it is no more something established before birth.

Key words: national identity, national character, Italy, everyday culture, campanilism, glocalism

DOI 10.30725/2619-0303-2019-3-16-21

Термин «идентичность» появился в современном научном дискурсе в середине 1970-х гг. после публикации работы американского социального психолога Э. Эриксона «Идентичность: юность и кризис». Национальная идентичность рассматривалась как одна из составляющих конструкции личностной идентичности, необходимая индивиду для выстраивания границ собственного «Я» и для самоопределения.

Среди критериев национальной идентичности обычно выделяют целый ряд факторов: 1) пространственно-географический (общность территории); 2) этно-национальный (общность языка и происхождения); 3) конфессиональный (религия); 4) исторический (общее историческое прошлое и культурное наследие); 5) традиционный и мифо-символический (общность традиций, обычаев, фольклора и повседневной культуры).

В науке существует несколько тенденций к рассмотрению национальной идентичности: естественный (примордиалистский) и модер-

нистский (конструктивистский). Первый подход понимает под «нацией» сложившуюся естественным путем общность, которая утвердилась в основном в эпоху после феодальной раздробленности, когда формировались государства с единой централизованной властью; второй подход опирается на то, что сама нация нужна для создания («конструирования») национального государства, национальная идентичность в данном случае представляет собой искусственное единство, которое необходимо для решения определенных (чаще всего политических) задач. Территориальные споры, как и определение границ, разрешаются на основе этнического и культурного единства народов, проживающих в данной местности.

Английский теоретик конструктивизма Б. Андерсон дал определение нации как «воображаемого сообщества», имея в виду то, что любое сообщество, не основанное на давних контактах, имеет относительный характер и является искусственным, воображаемым, суще-

ствующем в субъективной реальности индивидов. Российский исследователь Д. А. Шевлякова считает, что именно концепция национальной идентичности как «воображаемого сообщества» является связующим звеном, который скрепляет коллективные представления нации в единое целое.

В данной статье конструктивистская парадигма национальной идентичности представляется наиболее подходящей для исследования национальной идентичности итальянцев в силу определенных историко-культурных особенностей, которые будут рассмотрены далее. Концепция нации в парадигме конструктивизма мыслится как политическая общность, созданная специально, но на основе культурной общности, складывавшейся длительное время.

Если у некоторых народов (например, индийцев и китайцев), культурная и национальная идентичность очевидна и ощущается эмпирически [1, с. 262], то для итальянской культуры вопрос о национальной идентичности представляет собой ключевую проблему по причине своей двойственности: с одной стороны, древняя европейская культура, но поздно сформировавшееся единое государство, географическая, этническая, политическая, экономическая, культурно-историческая, лингвистическая разница между жителями разных регионов Италии, с другой – устойчивые представления о единстве поведенческих архетипов, характера и культурной общности итальянцев у других европейских народов. Проблематика национальной идентичности итальянцев заключается в ее дуалистическом характере: среди самих итальянцев нет единого понимания того, что такое «итальянец», но для всех остальных существует устойчивый образ Италии и единства итальянского народа.

По мнению некоторых исследователей, «образ себя», т. е. самоидентификация любого народа, состоит из трех аспектов: «образ для других», «образ для себя» и «образ в себе» [2, с. 53]. Поскольку «образ в себе», т. е. индивидуальное измерение идентичности, самоидентичность – понятие максимально субъективное и рассматривать его представляется затруднительным, большинство авторов склоняется к тому, что «образ для себя» и «образ в себе» вполне тождественны. Нас же, в данный момент будет интересовать «образ для других» или, лучше сказать, «образ у других», поскольку стереотипы, пришедшие извне, легче изучать [3, с. 5].

В XVIII в. в Европе получил распространение такой культурно-исторический феномен как Grand Tour – то есть «Большое путешествие».

Аристократы отправлялись в поездку по странам Европы и вели путевые дневники. Италия для путешественников эпохи Просвещения представляла собой нечто единое и целостное, прибывая на Аппенинский полуостров, они переходили в своих записках на итальянский язык, характеризовали привычки и нравы итальянцев как единого народа, хотя прекрасно знали, что миланцы и неаполитанцы живут в разных государствах. Для иностранцев XVIII в. Италия была вполне единым целым, хотя и со своими особенностями. Так англичанин Джозеф Аддисон, побывав в Италии, написал следующее: «Ни одна страна в мире не может похвастаться таким разнообразием правительств, которые принимают совершенно разные и оригинальные конституции». Другой англичанин – профессор истории Джон Сизмонд – жаловался на то, что «диалекты в Италии – свои в каждой деревне» [цит. по: 4, с. 280].

В 1817 г. была опубликована книга Стендаля «Рим, Неаполь и Флоренция», написанная в стиле записок путешественника. Стендаль по своему собственному признанию не просто «описывает не только вещи — памятники, местоположение, волнующие картины природы, но рисует нравы населения, *итальянское общество*, эту совокупность своеобразных привычек, сказывающихся в том, как люди предаются любви, наслаждениям, одиночеству, как они проявляют искренность своей натуры» [5, с. 8]. В первой четверти XIX в. Стендаль дал характеристику итальянскому обществу, самим итальянцам и повседневной культуре современной ему Италии. В 1860 г. был опубликован труд швейцарского культуролога Якоба Буркхардта под названием «Культура Италии в эпоху Возрождения». Буркхардт изучал именно Италию и итальянцев, значит, итальянцы как нация уже существовали в эпоху Возрождения, по крайней мере, для самого Буркхардта и его читателей. Современный российский исследователь Д. А. Шевлякова утверждает, что понятия «Италия», «итальянец», «итальянский» появились значительно раньше политического объединения, но сферой их применения было исключительно теоретическое научное знание [6, с. 78].

После политического объединения Италии в 1861 г. перед новым правительством встала задача объединения народа: министру Массимо Д'Адзелио приписывают фразу: «Мы создали Италию, теперь нужно создать итальянцев». Д'Адзелио подчеркивает, что Италия была именно «сделана», объединение не произошло самостоятельно по причине длительного периода раздробленности и разнородности населения

(лингвистического и этнического) [цит. по: 7, с. 99]. И даже сегодня, более чем через полтора века после объединения, крайне популярными, в том числе и среди самих итальянцев, остаются суждения об отсутствии чувства единства в итальянском народе. Среди современных научных и публицистических работ, издаваемых в Италии и посвященных итальянской идентичности, преобладают следующие названия: «Виртуальное единство», «Италия отмечает 150-летие, а итальянцы?», «Итальянская идентичность? Мигрирующая культура», «Италия и итальянцы: непреодолимые различия», «Италия в поисках национальной идентичности», «Итальянцы ищут Италию».

«В стране настолько разнообразной, насколько разнообразна Италия, существует множество ответов на вопрос, что такое быть итальянцем» [8, р. 20]. Сами итальянцы обычно затрудняются определить, что значит быть итальянцем. Итальянскость для них – нечто иллюзорное, неуловимое, трудно определимое. Действительно, итальянцы, когда их просят рассказать о том, кто они такие, обычно делают акцент на том, что их страна состоит из регионов, что каждый регион имеет свои особенности, свои местные праздники, своих святых покровителей, свой диалект, свою местную кухню. Когда знакомишься с человеком, он вряд ли скажет, что он из Италии, ответ будет: «Я сицилиец», «Я из Калабрии», «Из Неаполя», «Я флорентиец» и т. д. «Спустя 150 лет после объединения Италии итальянцы продолжают чувствовать себя разделенными <...> Италия до сих пор не является единой и, возможно, никогда таковой не будет. Или, по крайней мере, не будет такой единой, какими являются, например, Франция или Австрия» [4, с. 279].

Нередко объединение страны и народа происходит в результате борьбы с внешним врагом. Антитезис «мы – они» и противопоставление себя Другому становятся ключевым фактором в вопросе самоопределения нации и ее сплочения. Чувство идентичности в данном случае реактивно, то есть представляет собой реакцию на контакт с другими народами, оно обостряется, когда возникает угроза потери национального своеобразия [3, с. 5], а образ Другого выступает в роли структурного компонента национальной идентичности [9]. Иное и чуждое может представлять интерес, а может вызывать страх, и тогда фокус внимания перемещается на «свое», а «чужое», «другое» подвергается критике [10, с. 532].

Но в случае Италии Другими друг для друга выступают сами же части этой страны. У. Эко в эссе «Сотвори себе врага» приводит случай из

своей жизни, когда в Нью-Йорке таксист, выходец из Пакистана, задал ему вопрос: с кем воюет Италия и с какими народами итальянцы конфликтуют и находятся в многовековой вражде. Автор ответил, что у итальянцев нет врагов, по крайней мере, внешних. Размышляя далее, У. Эко пишет, что образ врага чрезвычайно важен для самоопределения нации, для осознания и демонстрации национальных ценностей и что если врага нет, его следует придумать. У. Эко приходит к мысли, что врагами или «Другими», которым противопоставляют себя итальянцы, являются сами же итальянцы, воюющие между собой: Пиза враждует с Луккой, гвельфы с гибеллинами, север с югом, фашисты с партизанами, мафия с государством, правительство с судебным ведомством [11, с. 12–13]. Есть также мнение, что главный враг объединенной Италии – сами итальянцы [12]. Внутренняя вражда итальянцев между собой – часть национальной идентичности, ярко иллюстрирующая так называемый феномен «кампанилизма» или «со-раздельного сознания», о котором пойдет речь ниже.

Факторы, формирующие национальную идентичность, в случае Италии, наоборот, всячески подчеркивают разрозненность ее частей. Так пространственно-географический фактор не мог стать решающим в объединении нации внутри страны: в период Рисорджименто на территории Италии существовали 8 государств, поэтому неудивительно, что жители Пьемонта никогда не чувствовали себя единым народом с жителями Калабрии, равно как и венецианцы не чувствовали связь с римлянами или флорентийцами, а миланцы с сицилийцами. Более того, после объединения страны под властью Савойской династии, Пьемонт тоже рассматривался многими, как очередной захватчик [13].

Языковая общность, несмотря на то, что язык «образует национальность», по утверждению Массимо Д'Азелио [3, с. 11], также не могла взять на себя лидирующую роль в сплочении нации: на момент объединения страны лишь 2,5% населения Апеннинского полуострова говорило на итальянском языке [7, с. 100], остальные использовали местные диалекты. Итальянский художник Сильвано Костанцо, родившийся в 1948 г., вспоминает, как две его пожилые родственницы, приехавшие к нему в гости в 1970-е гг. не смогли общаться друг с другом, так как говорили только на местных диалектах (одна на пьемонтском, другая на апулийском) и не знали итальянского языка [4, с. 280].

Несмотря на единую католическую веру и отсутствие религиозных противоречий некото-

рые исследователи видят проблему затянувшегося объединения именно в религии: папство не позволяло никакому светскому правителю объединить страну под своей властью, но при этом и само оно не выступило в роли объединителя.

Общность традиций, обычаев, фольклора и повседневной культуры – вот тот фундамент, на котором базируется единство итальянского народа, без которого и не было бы возможным объединение страны. Итальянский исследователь Галли Делла Лоджа считает, что и до 1861 г. у жителей Апеннинского полуострова существовало некое единение и осознание своей принадлежности к одной культуре. Без этого чувства общности было бы не возможно Рисорджименто [6, с. 80].

Современный исследователь-медиевист Массимо Монтанари в одной из своих работ пишет: «Италия существовала с незапамятных времен. Это была Италия образа жизни, повседневных практик, ментальности. <...> Италия культуры, что значительно важнее политического единства, определяет идентичность страны». Итак, именно культура – тот фундамент, на котором построена национальная идентичность итальянцев, именно культура становится обязательным условием, средством, медиумом, транслятором той минимально необходимой общности, внутри которой индивиды могут существовать и выживать в социуме. Объединение Италии произошло вокруг главенства политического объединения, но оно выступало в роли формы, содержанием же было объединение культурное [14]. Культура – ценности, нормы, верования и символы, средства выразительности, образ мыслей, восприятие мира, отношение к жизни, т. е. «way of living» – привычки и практики, составляющие поведенную культуру, которая и составляет основу единства нации, на которой строится её идентичность [15].

Основатель журнала «Итальянец», Лео Лонганези, который создал его именно с целью все же выяснить, что есть итальянскость, и даже написал «программу итальянскости», представил концепт «страпаэзе» – «сверхдеревня», целое, состоящее из частей – Италия регионов. Региональная культура, в основном деревенская, – то, что для Лонганези является основной характеристикой итальянцев как народа. «Страпаэзе» есть не что иное, как совокупность местных традиций и «местных» менталитетов, которые М. Монтанари идентифицирует как «кампанилизм». Термин происходит от слова «campanile» – колокольная, которая всегда даже в самом маленьком городе является «центром вселенной» для местных

жителей. Множество таких колоколен и образуют «страпаэзе». Ж. Николаева, заимствуя у М. Монтанари термин «со-раздельное» сознание, который он использует в качестве, с одной стороны, синонима, с другой – дополнения к «кампанилизму», говорит о том, что итальянская идентичность строится на отождествлении себя с местом рождения, с колокольной церкви, где происходило крещение человека или венчание его родителей, таким образом, основание для самоидентификации – это принадлежность к определенному месту, «локусу», отсюда и локальность, «местечковость» мышления, которое доминирует в сознании итальянцев, а также вражда между самими итальянцами, на которую указывал У. Эко, так как «другое» воспринимается как «чужое». Однако итальянская идентичность, «итальянскость», безусловно, не заканчивается на локальном компоненте, это лишь первая, хотя основная, ступень многослойного комплекса, в который входят региональный, национальный, а на сегодняшний день и глобальный компоненты идентичности.

В настоящий момент большое количество исследований посвящено изучению взаимодействия локального и глобального, «глокализации» различных процессов, происходящих в экономике, культуре, общественной жизни и сознании людей. «Глокализм» характеризуется одновременным развитием противоположных тенденций: вектор глобализации сталкивается с вектором регионализации. Суть процессов «глокализации» состоит в том, что, несмотря на наступление глобализации, местные, локальные традиции не теряют свою популярность, а, скорее наоборот, усиливаются и начинают играть более заметную роль, при этом иногда даже выходя за рамки своей локальности. Итальянский «кампанилизм» – уникальное культурное явление проявления локального, сама Италия как экономический брэнд – пример глобального, а итальянская идентичность, понимаемая как «со-раздельное» бытие – пример «глокализации», синтеза глобального и локального. Движение «слоу фуд», появившееся в Италии, но распространившееся по всему миру, объединение итальянских предпринимателей под слоганом «made in Italy», которое призвано защищать интересы локальных производителей товаров, чьи предприятия чаще всего представляют небольшую мастерскую, которой владеет одна семья на протяжении нескольких десятилетий и где в основном используется ручной труд и натуральные материалы из того же региона – пример того, как взаимодействуют глобальное и локальное.

Итальянское «локальное» настолько мощно повлияло на мировые процессы, что некоторые исследователи начали говорить не об «итальянскости», а об «италийскости». Итальянцы – это постанациональные народы, для которых принадлежность к определенной нации не столь важна, это как сами итальянцы в Италии и за рубежом, так и потомки итальянцев-эмигрантов, а также все те, кто тем или иным образом проявляет симпатию к этой стране – «италофилию», через привычки и повседневную культуру.

Профессор Туринского университета Франческо Туккари выделяет три вида наций: этнические, политические и культурные. По его мнению, до 1861 г. Италия была нацией «культурной», то есть основывающей свою идентичность на культурном единстве, при этом оставаясь абсолютно разрозненной политически. Сейчас, в эпоху глобализма и космополитизма, для самоопределения личности вновь более важную роль играет культурная идентичность, еще и потому, что человек может её выбрать самостоятельно, в отличие от этничности, которая является данностью при рождении. Пьеро Бассетти указывает на то, что италийскость как самоидентификация может стать парадигмой для новых глобальных идентичностей в будущем, так как она представляет собой пример «глокализации» культуры и выступает в качестве инструмента сохранения местных особенностей.

Подводя итог, следует отметить, что главной особенностью итальянской национальной идентичности является ее многоуровневый характер, в который входят несколько компонентов: локальный, национальный, глобальный, – составляющие так называемый «кампанилизм». Образ «Другого», в противостоянии которому сплавиваются многие народы, в Италии представляет собой противостояние между самими итальянцами, между итальянскими городами и регионами: итальянская идентичность, таким образом, выражается через феномен «создательного сознания» и концепции нации как воображаемого сообщества. Базис единства итальянцев – повседневная культура, традиции, обычаи, способы проведения досуга, манера речи, словом, образ жизни, «way of living», который, начиная с эпохи Ренессанса и до настоящего времени, является основанием итальянской национальной идентичности, причем в данный момент он постепенно превращается в «италийскость», распространяя свое влияние далеко за политические и географические границы Италии.

Список литературы

1. Николаева Ж. В. К вопросу о современном понимании культурной идентичности итальянцев // *Studia culturae*. 2012. № 14. С. 262–270.
2. Ачкасов В. А. «Миф Запада» в российской политической традиции: поиск идентичности // *Россия и Грузия: диалог и родство культур: сб. материалов симп.* Санкт-Петербург: С.-Петерб. филос. о-во, 2003. Вып. 1. С. 48–55
3. Берк П. Язык и идентичность в Италии начала Нового времени // *Новое лит. обозрение*. 1999. № 36. С. 5–25.
4. Костанцо С. Виртуальное единство. Странная судьба народа святых, мореплавателей и героев // *Studia culturae*. 2012. № 14. С. 279–306.
5. Стендаль. Рим. Неаполь и Флоренция. Санкт-Петербург: Азбука-Классика, 2017. 448 с.
6. Шевлякова Д. А. Макротопоним «Италия» и этноним «итальянец» в формировании национальной идентичности итальянцев // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2014. № 3. С. 77–84.
7. Левин И. Италия в поисках национальной идентичности // *Космополис*. 2004/2005. № 4 (10). С. 93–113.
8. Richards C. *The new Italians*. London: Penguin UK, 1995. 320 p.
9. Максимова С. Г., Авдеева Г. С., Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П., Трофимова Р. А., Удоденко А. А. Образ «другого» как структурный компонент национальной идентичности: конструктивистская парадигма. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22774868_12569100.pdf (дата обращения: 15.04.2018).
10. Мартынова В. В. Категории анализа этнокультурного самоопределения личности // *Антропологические матрицы XX века. Л. С. Выготский – П. А. Флоренский: несостоявшийся диалог. Приглашение к диалогу*. Москва: Прогресс-Традиция, 2007. С. 532–536.
11. Эко У. Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю. Москва: АСТ, CORPUS, 2014. С. 11–38.
12. Giumelli R. *Scoprirsi italici. Una riflessione sull'identità italiana in tempi di globalizzazione*. URL: https://www.researchgate.net/publication/266225265_Scoprirsi_italici_Una_riflessione_sull'identita_italiana_in_tempi_di_globalizzazione (accessed: Febr. 10.2018). (дата обращения: 10.02.2018).
13. Falvino A. *Italia: unità nella molteplicità*. URL: http://journals.tsu.ru/uploads/import/1604/files/9_013.pdf (дата обращения: 09.02.2018).
14. Дичковская Е. А. К вопросу об итальянской идентичности // *Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы VII междунар. науч.-теорет. конф.*, Минск, 21 янв. 2014 г. / Белорус. гос. пед. ун-т им. Максима Танка. Минск: МГПТК полиграфии, 2014. С. 87–88.
15. Giumelli R. *L'Italia compie 150 anni. E gli italiani? Una riflessione sul senso di appartenenza sull'identità e sull'insuperata asimmetria tra Italia e italiani*. P. 53–66 URL: <https://www.researchgate.net/>

publication/307752677_L'Italia_compie_150_anni_E_gli_italiani_Una_riflessione_sul_senso_di_appartenenza_sull'identita_e_sull'insuperata_asimmetria_tra_Italia_e_italiani (дата обращения: 08.02.2018).

References

1. Nikolaeva J. V. To the question of modern interpretation of Italian cultural identity. *Studia culturae*. 2012. 14, 262–270 (in Russ.).

2. Achkasov V. A. «The myth of the West» in Russian political tradition: looking for identity. *Russia and Georgia: dialog and similarities of cultures: symp. essays*. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg philosophy community, 2003. 1. 48–55 (in Russ.).

3. Berk P. Language and identity in Italy in the beginning of Modern time. *New literary observer*. 1999. 36, 5–25 (in Russ.).

4. Costanzo S. Virtual union. Strange destiny of nation of saints, seamen and heroes. *Studia culturae*. 2012. 14, 279–306 (in Russ.).

5. Stendal. Rome. Naples and Florence. Saint-Petersburg: Azbuka-Classica, 2017. 448 (in Russ.).

6. Shevlyakova D. A. Macrotoponim «Italy» and ethnonim «Italian» in a formation process of the Italians' national identity. *Bull. of Moscow Univ. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication*. 2014. 3, 77–84 (in Russ.).

7. Levin I. Italy in search of national identity. *Cosmopolis*. 2004/2005. 4 (10), 93–113 (in Russ.).

8. Richards C. The new Italians. London: Penguin UK, 1995. 320.

9. Maksimova S. G., Avdeeva G. S., Noyanzina O. E., Goncharova N. P., Trophimova R. A., Udodenko A. A. The concept of «other» as a structural feature of national identity:

constructivist paradigm. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22774868_12569100.pdf (accessed: Apr. 15. 2018) (in Russ.).

10. Martynova V. V. The categories of ethnocultural analysis of personal self-defying. *Anthropological matrix of XX centry. L. S. Vygotskiy – P. A. Florenskiy: the dialog that had not been. Invitation to the dialog*. Moscow: Progress-Traditsia, 2007. 532–536 (in Russ.).

11. Eco U. Make an enemy to yourself. And other essays in case. Moscow: AST, CORPUS, 2014. 11–38 (in Russ.).

12. Giumelli R. Scopirirsi italici. Una riflessione sull'identità italiana in tempi di globalizzazione. URL: https://www.researchgate.net/publication/266225265_Scopirirsi_italici_Una_riflessione_sull'identita_italiana_in_tempi_di_globalizzazione (accessed: Febr. 10.2018).

13. Falvino A. Italia: unità nella molteplicità. URL: http://journals.tsu.ru/uploads/import/1604/files/9_013.pdf (accessed: Febr. 09.2018).

14. Dichkovskaya E. A. To the question of Italian identity. *Europe: actual problems of ethnoculture: doc. of VII intern. sci. and theoretical conf.*, Minsk, 21th Jan. 2014 / Belarus. State Ped. Univ. of Maxim Tank. Minsk: MGPTK poligrafia, 2014. 87–88. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/97899/1/Дичковская%20Е.А.%20К%20вопросу%20об%20итальянской%20идентичности.pdf> (accessed: March 03.2018) (in Russ.).

15. Giumelli R. L'Italia compie 150 anni. E gli italiani? Una riflessione sul senso di appartenenza sull'identità e sull'insuperata asimmetria tra Italia e italiani. P. 53–66 URL: https://www.researchgate.net/publication/307752677_L'Italia_compie_150_anni_E_gli_italiani_Una_riflessione_sul_senso_di_appartenenza_sull'identita_e_sull'insuperata_asimmetria_tra_Italia_e_italiani (accessed: Febr. 08.2018).